Эпистемология и философия науки
2016. Т. 50. № 4. С. 63–73
УДК 165.42

Epistemology & Philosophy of Science
2016, vol. 50, no. 4, pp. 63–73
DOI: 10.5840/eps201650469

Критика групповых убеждений: дискуссия с Дженнифер Лэки*

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com

Концепция Дженнифер Лэки представляет собой аналитический вариант социальной эпистемологии, в которой предметом исследования является природа коллективных (групповых) верований. Автор анализирует возможность объяснения познавательной коллективности и редукции коллективного знания к индивидуальному на примере девиантного знания – обмана и абсурда (чепухи). По мнению автора статьи, критики заслуживает то, что ни «группа», ни «верование» не получили ясного определения; нет критерия когнитивно релевантных и нерелевантных социальных факторов; сохраняется противопоставление индивида и группы. Автор полагает, что концепция коллективного знания могла бы быть более последовательной, если использовать понимание группы М. Дуглас; если показать социальную природу индивида; при этом для редукции верований к выражениям языка желательно привлечь инструментарий философии языка и дискурс-анализа. Однако в таком случае критикуемая концепция сближается с критической социальной эпистемологией, что едва ли приемлемо для самой Дж. Лэки. Отсюда следует вывод о непреодолимости противоречия между этими двумя эпистемологическими школами.

Ключевые слова: коллективная эпистемология, социальная эпистемология, групповые убеждения, язык, знание, ложь, чепуха

The critique of group belief: a discussion with Jennifer Lackey

Ilya Kasavin – DSc in Philosophy, professor, correspondent member of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com

The approach proposed by Jennifer Lackey is an analytical version of social epistemology, in which the subject of the research is the nature of collective (group) beliefs. She analyzes the possibility of explaining cognitive collectivity and reducing collective knowledge to the individual one at the example of deviant knowledge types – lie and bullshit. In the given paper, the author argues that Lackey's point of view deserves criticism for neither "group" nor "belief" receive a clear definition; no criteria are proposed to distinguish cognitively relevant and irrelevant social factors; the opposition of the individual and the group is retained. The author argues that the concept of collective knowledge could be much more consistent if one uses the group-grid approach elaborated by M. Douglas; one shows the social nature of the individual; one applies the entire toolkit of philosophy of language and discourse analysis for reduction of beliefs to linguistic expressions. Still the concept

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00141/16 «Знание-свидетельство (testimonial knowledge) как предмет коллективной эпистемологии», и проект № 15-03-00872 «Языковые универсалии в построении картины мира человека».

© Касавин И.Т.

under criticism moves then closer to the critical social epistemology, which is hardly acceptable for Lackey. What follows is the irresistible contradiction between these epistemological schools.

Keywords: collective epistemology, social epistemology, group beliefs, language, knowledge, lie, bullshit

В своем докладе «Group Belief: Lessons from Lies and Bullshit» [Lackey, 2013] Дженнифер Лэки[1] утверждает, что группам и прочим видам коллективных сущностей часто вменяется, что они могут иметь убеждения по какому-то поводу, верить во что-то. Например, мы говорим, что правительство США убеждено в том, что защищает свободу выражения мнений; что католическая церковь убеждена в непогрешимости Папы; что Гуманистическое общество США убеждено в необходимости стерилизовать и кастрировать собак и кошек; что научное сообщество убеждено, что глобальное потепление угрожает природе.

Она указывает, что в философской литературе представлены разнообразные подходы к групповым убеждениям, а их достоинства и недостатки обстоятельно проанализированы. При этом Лэки обращает внимание на то, что в данных дискуссиях игнорируются два феномена: групповая ложь и групповая чепуха, хотя они чрезвычайно важны для коллективной эпистемологии и могут немало дать для понимания природы групповых убеждений. Попробуем проанализировать ее позицию и высказать свое мнение по этому вопросу.

При этом стоит заметить, что Лэки, даже не ссылаясь на известную брошюру Гарри Франкфурта [Frankfurt, 2005], не может не иметь в виду дискуссию вокруг нее. Bullshit переводится обычно как «брехня». Наш перевод ее как «чепухи» подчеркивает абсурдный характер такого рода утверждений, однако в ряде случаев, когда имеется в виду пропагандистские или рекламные кампании, «брехня» более выразительна.

Эпистемология: от классической к неклассической

Классическая теория познания включает в себя нормативное разделение всех когнитивных явлений на две группы. С одной стороны, есть обоснованные истинные убеждения, или знания; с другой, су-

[1] Jennifer Lackey – американский философ среднего поколения, бывшая аспирантка Э. Соса. Она специализируется в области эпистемологии и философии сознания. Последнее время занимается эпистемологией знания-сообщения (testimonial knowledge), анализом таких эпистемологических феноменов как норма, удача, доверие, несогласие. Соредактор (вместе с Э. Соса) The Epistemology of Testimony (2006, Oxford University Press) и автор книги Learning from Words: Testimony as a Source of Knowledge (2008, Oxford: Oxford University Press).

ществуют заблуждение, ложь, обман, чепуха и прочие познавательные отклонения. Первая группа явлений в силу эмпирического происхождения и социальной стерильности дает нам примеры того, что такое рациональность. Вторая группа представляет сферу иррациональности, хаоса, произвольной воли в силу своей концептуальной и социальной избыточности. Позиция Лэки, как представляется, ведет за пределы таким образом понятого классического подхода. Она восстанавливает значение эпистемологических феноменов, трактуемых в рамках классики как нерелевантные отклонения. Таким образом, в предмет эпистемологии вводится существенный элемент гетерогенности. Убеждения, свидетельства, утверждения о знании – все это включает в себя вещи, которые обычно рассматривается как разные и даже полностью противоположные. Среди них психические явления и социальные правила, интуиции и рассуждения, индивидуальная мораль и социальная ответственность, политическая ангажированность и рациональное принятие решений. Неявно ее соображения приводят к более либеральному взгляду на познание; границы между знанием и невежеством, истиной и заблуждением уже более не видятся как абсолютные и очевидные.

Это также напоминает о том, что существует по крайней мере два типа социальной эпистемологии. Первый из них, например социальная эпистемика Э. Голдмана [Goldman, 1999], проводит резкое различие между истинными и ложными убеждениями, обозначая первые как знание и вторые как заблуждение. Второй тип социальной эпистемологии (например, «сильная программа» Д. Блура [Bloor, 1976]) уделяет мало внимания задаче оценки истинности, предпочитая рассматривать как знание все то, что функционирует как знание в социальной практике, в особенности, как правило или схема, руководящие человеческой деятельностью и коммуникацией. Фактически Лэки согласна с последним, полагая, что «классическая роль убеждения, как и желания, состоит в рационализации действий».

Согласно этому подходу к знанию, значительно важнее анализировать конкретные формы и определения знания в рамках социальных/культурных систем, вместо того чтобы вкладывать усилия в демаркационистскую стратегию, результаты которой весьма ограничены и в большой степени идеологически нагружены. Из этого следует, что истинное и ложное знание, какими бы ни были критерии такого различения, должны рассматриваться (интерпретироваться, реконструироваться) с точки зрения одних и тех же типов условий и причин (принцип симметрии «сильной программы»). Опять-таки неявно Лэки принимает этот принцип. Многие из ее мысленных экспериментов («Кафедра философии», «Табачная компания», «Нефтяная компания» и т. д.) показывают, что истинные убеждения, а также

обман, ложь и чепуху следует объяснять в равной мере с точки зрения принятых фактов, логики, социальных, политических и коммерческих интересов.

Различие между двумя обозначенными версиями социальной эпистемологии распространяется также на характер познавательного субъекта. У Голдмана в центре находится индивидуальный субъект, а для Блура значительно важнее коллективная природа субъекта познания. На мой взгляд, Лэки невольно дает дополнительные аргументы в пользу Блура: социальная эпистемология в подлинном смысле начинается лишь с социальным/коллективистским подходом и наоборот. Ведь трудно себе представить, как философская теория познания может брать за основу индивидуального познавательного субъекта, не полагаясь на интроспекционистский доступ к индивиду. Но интроспекция в деле самопознания, понятая в смысле Декарта или Юма, утратила надежность, по крайней мере, после витгенштейновской критики приватного языка [Wittgenstein, 1978, p. 256–271]. Если это и в самом деле так, то коллективистская эпистемология, или эпистемология коллективных верований, является подлинной социальной эпистемологией, которая может основываться на результатах социальных и гуманитарных наук и обеспечить более или менее объективные выводы.

Ситуационные исследования Дж. Лэки

В полном соответствии с традицией аналитической философии Лэки использует ряд мысленных экспериментов для обоснования своей позиции. Попробуем внимательнее взглянуть на некоторые из случаев, которые явно служат Лэки для уточнения того, что является релевантным и нерелевантным для анализа познания: «Кафедра философии-1» и «Кафедра философии-2».

В первом случае Лэки намерена проиллюстрировать следующий тезис: «Можно обоснованно сказать, что группа верит, что *p*, даже тогда, когда ни один из ее членов не считает, что *p*». Вот описание этой познавательной ситуации.

Кафедра философии-1: Кафедра философии в одном из ведущих университетов США рассматривает вопрос о претенденте на место в аспирантуре по специальности. После нескольких часов обсуждения все члены кафедры соглашаются с тем, что Джейн Смит является наиболее подходящим кандидатом из числа претендентов. Однако ни один член кафедры не считает так, вместо этого все они думают, что это тот кандидат, который, скорее всего, будет одобрен администрацией.

Во втором случае группа может не верить, что *p*, даже тогда, когда каждый из ее членов считает, что *p*.

Вот описание ситуации.

Кафедра философии-2: На той же кафедре философии каждый из ее членов считает, что лучший в Чикаго хумус с красным перцем можно найти в магазине Whole Foods. Несмотря на единодушие индивидуальных убеждений в таком случае, нельзя сказать, что кафедра философии считает, что лучший в Чикаго хумус с красным перцем можно найти в магазине Whole Foods. Такого рода заключение не может быть оформлено и запротоколировано как мнение кафедры, потому что оценка хумуса с красным перцем не имеет никакого значения для учебных и научных целей и задач кафедры.

Первый случай является для Лэки примером того, как кафедра философии беспринципно обманывает администрацию, не желая рисковать потерей места в аспирантуре. Второй случай (если представить себе, что кафедра все же выпускает протокол оценки хумуса) представляет собой пример абсурда, или чепухи. Однако при всем остроумии данных экспериментов здесь едва ли все так просто.

Вместо того, чтобы объяснять (индивидуальные или коллективные) убеждения с точки зрения (индивидуальных или коллективных) убеждений, почему бы не объяснять убеждения с помощью их социальных репрезентаций, например, практических действий, включая речевые акты? Если, скажем, кафедра философии единогласно голосует за наиболее квалифицированного кандидата в аспирантуру, то какие свойства кандидата принимаются во внимание как основные? Ее научные достижения (кредиты, премии, публикации)? Социальная активность или поведение в классе? Раса, пол, здоровье и благосостояние? Социальный статус ее родителей? И каковы рациональные критерии их различения? Если белый студент не имеет денег, его кандидатура будет, вероятно, отклонена администрацией в отличие от такого же англосакса, чей отец инвестировал пару миллионов в инфраструктуру университета. Ведь он обеспечил условия для обучения множества других студентов, участвующих в аналогичных программах.

Могут быть избраны также любые другие «ненаучные» предпочтения, например, соотношение учащихся женского и мужского пола. Причины этого можно легко найти в идеологии плюралистического общества, где серьезно относятся к учету психических и интеллектуальных различий полов. Кроме того, каждая кафедра университета заинтересована в количестве аспирантов, если члены кафедры хотят выжить в условиях конкуренции. Быть членом кафедры, т. е. обладать некоторым социальным и институциональным статусом, означает иметь право на принятие квалифицированных решений. Социальный институт является не случайным или вненаучным свойством современной системы науки и образования, поэтому обстоятельства такого рода должны быть рассмотрены как имеющие существенное значение наряду с количество публикаций или экзаменационной оценкой.

В самом деле, поддержка научных, образовательных или институциональных интересов кафедры отличается от приверженности хумусу в Whole Foods: преподаватели философии являются лишь случайными экспертами в ближневосточной кухне. Чтобы принять квалифицированные решения о качестве хумуса, нужно заниматься опросом общественного мнения более широкой группы клиентов. Совместное и единодушное мнение о качестве пищевых продуктов не обеспечивает основу для коллективных убеждений из-за отсутствия надлежащего качества группы в примере «Кафедры философии 2». И напротив, группа в случае «Кафедра философии 1», даже действуя под влиянием идеологических и корпоративных причин, формирует вполне релевантное коллективное убеждение, которое не может быть рассмотрено как простой обман.

Из этого ясно, что в изложении Лэки не хватает адекватного определения того, что такое группа. Группа может рассматриваться как единица определенного рода: эпистемологическая («невидимый колледж» в науке, сторонники некоторого повседневного убеждения), социологическая (категория граждан, клиентов), культурная (последователи традиции), антропологическая (племя), биологическая (виды, популяции). Реальное человеческое взаимодействие происходит среди групп, которые, по крайней мере частично, принадлежат многим типам в одно и то же время. Социологи, как правило, обозначают принадлежность к группе как социальную роль. Поэтому для коллективной эпистемологии имело бы смысл выделить группу определенного типа, указывая соответствующие критерии.

Группа с точки зрения grid-group analysis

Мне представляется перспективной концепция группы, построенная путем переосмысления grid-group analysis Мери Дуглас. Напомним, что она определяет параметр «group» как «опыт ограниченной социальной общности» [Douglas, 1975, p. 218], принадлежащее некоторой категории людей коллективное сознание. Другой параметр, «grid» (‘решетка, сетка’ – англ.) есть любой внутренний способ социальной регуляции за исключением принадлежности к самой группе [Douglas, 1982, p. 2]. Д. Блур интерпретирует «grid» следующим образом: паттерн ролей и статусов рассматривается как сетка в рамках социальных границ [Bloor, 1982, p. 191–218]. Другими словами, «group» служит внешней границей, отгораживая от группы все остальное неспецифическим образом. А «grid» как внутренняя структура делает одну группу содержательно отличной от другой. Дуглас также вводит высокий и низкий уровни этих параметров для

любой группы. Поэтому таблица включает в себя 4 вида групп (хотя Дуглас описывает только 3 из них, не давая квалификации группе B) и выглядит следующим образом:

A High group, high grid Армия	B Low group, Low grid Группа в изменении
C High group, low grid Первобытное племя	D Low group, high grid Научное сообщество

Применяя этот подход к нашим случаям, мы можем сказать, что «Кафедра философии-1» представляет собой группу из-за своих grid-group функций, обе из которых играют существенную роль. В отличие от этого, «Кафедра философии-2» – это группа, в значительной степени лишенная «grid», т. е. любой внутренней структуры и когнитивной квалификации. Ее внешняя групповая граница исчезает также, поскольку в пределах социологического опроса преподаватель философии идентичен любому другому респонденту.

Очень похож на «Кафедру философии-1» случай «Кафедра английского языка». Так, кафедра английского языка в ведущем университете обсуждает главную кандидатуру для приема в аспирантуру. Все преподаватели кафедры голосуют за то, что лучшим кандидатом является Сара Питерс. Однако половина из них согласны с этим, потому что они верят, что она является высококвалифицированным кандидатом, а другая половина, напротив, согласна с этим, потому что они верят, что она будет чрезвычайно плохим аспирантом. Объясняется это обстоятельство тем, что вторая половина кафедры представляет контингент оппозиционеров – недовольных сотрудников, которые желают саботировать собственную кафедру и считают «лучшим кандидатом в аспирантуру» того заявителя, который дискредитирует всю программу.

Лэки приводит этот пример, чтобы вновь продемонстрировать включение лжи и абсурда в коллективное убеждение. Однако при этом она понимает убеждение (belief) как ментальное состояние, выраженное в языке. И здесь есть основание с ней снова не согласиться. Кафедра английского языка, как выясняется, является гетерогенной группой, поскольку состоит из двух типов групп: D и B – обычного научного сообщества («нормальной науки», по Т. Куну) и сообщества в изменении («революционной науки»). Обе группы не могут примирить свои интересы и таким образом продвигают раз-

личные стратегии развития кафедры. Это очевидный результат неудачной деятельности руководителя кафедры, которому не удалось подобрать надлежащий состав и создать условия для координации коллективных усилий и сотрудничества. В этом случае любое коллективное убеждение является невозможным, и итоги голосования не следует сводить к тексту протокола кафедры: в нем записано одно, но значит это совсем другое, т. е. имеет под собой иные ментальные состояния и корпоративные интересы. Таким образом, сотрудники кафедры едва ли могут, в отличие от мнения Лэки, «совместно прийти к данному суждению (proposition), хотя и по разным и даже конкурирующим основаниям». В документе протокола смешаны между собой разные высказывания, одинаковые по словесной форме, но разные по содержанию. В этом нет обмана, абсурда или чепухи, это проявление обычного трудового конфликта.

Отсюда ясно, что критерии оценки групповых и индивидуальных решений следует более систематически упорядочить. Поскольку у Лэки отсутствует определение группы, то трудно понять, какие именно коллективные или групповые убеждения имеются в виду: ментальные события, поведенческие акты или коммуникативные решения.

Другое возражение касается сравнения ряда других случаев, анализируемых Лэки. Она рассматривает случаи принятия решения в медицинской ассоциации, табачной компании и нефтяной компании, но между ними весьма незначительная разница. Члены всех этих групп принимают некоторую официальную декларацию, но имеют причины ей верить и не верить просто потому, что существуют различные мнения экспертов по этим вопросам. Точно так же, как в случае с сомнительной безопасностью используемой вакцины, сомнительными являются аргументы за и против курения. Использование агрессивных средств для нейтрализации нефтяных пятен в той же степени неоднозначно: их достоинства и недостатки могут быть предметом обсуждения, интерпретации и сомнения. Вообще говоря, всегда есть или могут быть противоречия между позицией отдельно взятого индивида и официальной позицией, декларацией в пользу grid-group структуры сообщества. Вполне естественно, что выступление от имени любого сообщества всегда означает игнорирование некоторых личных интересов и мнений. Однако было бы наивно искать причины этих различий в природе ментальных феноменов или даже языковых актов. Речь от первого лица единственного числа или от первого лица множественного числа различаются лишь типом социальной роли, которую берет на себя человек.

Можно предположить, что вместо акцента на различиях между индивидуальными и групповыми мнениями было бы более разумно дихотомизировать реальную неоднородность, присущую всякой группе, с одной стороны, и ее скоординированную декларацию (ес-

ли таковая имеется), с другой. Первая неизбежно находится в долгу эпистемологических, культурных и социальных особенностей членов группы, а вторая является продуктом необходимого социального соглашения. Впрочем, это была бы также ложная дихотомия, потому что коммуникативная социальность представляет неотъемлемое качество всякой социализированной личности [Антоновский, 2015], которая восприимчива к тем или иным групповым соглашениям (правилам). Особенности личности не являются чисто антропологическим феноменом, будучи результатом социальных ролей, играемых индивидом, и его одновременной принадлежности к ряду различных групп. Поэтому ни группа, ни личность не является абстракцией более высокого уровня общности; концептуально они равны. Всякое убеждение есть агрегат эпистемических, культурных и социальных функций, которые могут быть только условно отделены друг от друга. Более того: нет никаких личных убеждений или понятий вообще, и даже чувственные впечатления социально культивируются и обусловливаются. Есть лишь акт речи или поступок от первого лица, хотя и они осуществляются коллективными средствами языкового и поведенческого выражения.

Лэки, конечно, далека от признания этого обстоятельства. Для нее важен вопрос о природе формирования коллективного убеждения из индивидуальных, которое она называет агрегированием. Могут ли убеждения быть механически присоединены или математически приплюсованы друг к другу? Здесь переход Лэки от убеждения к слову кажется особенно плодотворным [Lackey, 2006]. Логические правила построения силлогизмов путем объединения посылок и анализа таблиц, аналогичных таблицам истинности, применяются в мысленных экспериментах с табачной компанией; здесь Лэки ссылается на [List, Pettit, 2002]. Однако несколько более современной является методология дискурс-анализа [Касавин, 2008], который предоставляет дополнительные инструменты для учета комбинаций мотивов, интуиций, колебаний, сомнений и многих других семантических и прагматических аспектов языковых актов. Так что если мы действительно претендуем на перенос внимания от психического события к языковым явлениям, то в дело должен идти весь инструментарий аналитической и не только аналитической философии языка.

То, что Лэки обратила внимание на такие коллективные «девиантные» убеждения, содержащие явные или мнимые элементы обмана, абсурда или чепухи, есть ее несомненное достижение. Однако она неявно принимает, что их отличие от истинных убеждений коренится в природе ментальных состояний: коллективные убеждения в принципе внутренне порочны, поскольку не являются безусловно и окончательно монолитными. В действительности же индивидуаль-

ные убеждения также таковы, хотя это и нельзя достоверно доказать, ибо к ним отсутствует объективный доступ. В этом смысле тезис о несовершенстве знания имеет всеобщий характер, и он доказуем относительно социальных форм знания, будучи лишь вероятным для его гипотетических индивидуальных форм.

И наконец, мы возвращаемся к вопросу, который был поставлен в начале статьи: означает ли коллективная эпистемология переход от классической к неклассической теории познания?

С определенной долей иронии можно экстраполировать квантово-механический подход на понимание групповых убеждений. Он предполагает, что вероятность обладает онтологическим значением и схватывает нечто существенное в поведении совокупности элементарных частиц. Если же их поведение случайно в смысле неспособности человеческого разума помыслить закономерности поведения группы, то это весьма напоминает стремление Лэки редуцировать группу к механической совокупности индивидов. Возможно, сходство между классической механикой Ньютона и классической теорией познания подобно сходству квантовой механики и неклассической социальной эпистемологии. Но в таком случае коллективная эпистемология, предлагаемая Лэки, все еще остается в рамках классического подхода к знанию, неспособного увидеть специфический и самостоятельный статус коллективных убеждений. И это подтверждает несовместимость аналитической и критической версий социальной эпистемологии.

Список литературы

Антоновский, 2015 – *Антоновский А.Ю.* Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. М.: ИФ РАН, 2015. 168 с.

Касавин, 2008 – *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 437 с.

Bloor, 1991 – *Bloor D.* Knowledge and social imagery (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1991. 211 p.

Bloor, 1982 – *Bloor D.* Polyhedra and the Abominations of Leviticus: Cognitive Styles in Mathematics // Essays in the Sociology of Perception / Ed. by M. Douglas. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982. P. 191–218.

Douglas, 1975 – *Douglas M.* Implicit Meanings. L.: Routledge, 1975. 301 p.

Douglas, 1982 – Essays in the Sociology of Perception / Ed. by M. Douglas. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982. P. 191–218.

Frankfurt, 2005 – *Frankfurt H.G.* On Bullshit. Princeton: Princeton University Press, 2005. 81 p.

Goldman, 1999 – *Goldman A.* Knowledge in a Social World. Oxford: Oxford University Press, 1999. 407 p.

Lackey, 2013 – *Lackey J.* Group Belief: Lessons from Lies and Bullshit / Доклад на 100 заседании семинара «Проблемы рациональной философии», Институт философии РАН, 6 мая 2013. URL: http://iphras.ru/uplfile/socep/lackey.pdf (дата обращения: 16.08.2016).

Lackey, Sosa, 2006 – The Epistemology of Testimony / Ed. by J. Lackey, E. Sosa. Oxford: Oxford University Press, 2006. 322 p.

Lackey, 2006 – *Lackey J.* Learning from Words // Philosophy and Phenomenological Research. 2006. No. 73. P. 77–101.

List, Petttit, 2002 – *List Ch., Pettit Ph*. Aggregating Sets of Judgments: An impossibility Result // Economics and Philosophy. 2002. Vol. 18. P. 89–110.

Wittgenstein, 1978 – *Wittgenstein L.* Philosophical Investigation. Oxford: Oxford University Press, 1978. 463 p.

References

Antonovski A.Yu. *Kommunikativnaya filosofiya znaniya: ot teorii kommunikativnykh media k sotsial'noy filosofii nauki* [Communicative philosophy of knowledge: from the theory of communication to the social philosophy of science]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2015. 168 p. (In Russian)

Bloor D. Knowledge and social imagery. Chicago: University of Chicago Press*, 1991. 211 p.*

Bloor D. Polyhedra and the Abominations of Leviticus: Cognitive Styles in Mathematics. In: M. Douglas (ed.). *Essays in the Sociology of Perception.* London, Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982, pp. 191–218.

Douglas M. (ed.). *Essays in the Sociology of Perception*. London, Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982, pp. 191–218.

Douglas M. *Implicit Meanings.* London: Routledge, 1975. 301 p.

Frankfurt H.G. *On Bullshit.* Princeton: Princeton University Press, 2005. 81 p.

Goldman A. *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 407 p.

Kasavin I.T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyk* [Text. Discourse. Context. Introduction to the social epistemology of language]. Moscow: Kanon+, 2008. 437 p. (In Russian)

Lackey J. *Group Belief: Lessons from Lies and Bullshit.* Report at the Seminar 'Problems of rational philosophy', Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, held on 06.05.2013. [http://iphras.ru/uplfile/socep/lackey.pdf ,accessed on 16.08.2016]

Lackey J. Learning from Words. *Philosophy and Phenomenological Research*, 2006, no. 73, pp. 77–101.

Lackey J., Sosa E. (eds.). *The Epistemology of Testimony.* Oxford: Oxford University Press, 2006. 322 p.

List Ch., Pettit Ph. Aggregating Sets of Judgments: An impossibility Result. *Economics and Philosophy,* 2002, vol. 18, pp. 89–110.

Wittgenstein L. *Philosophical Investigation*. Oxford: Oxford University Press. 1978. 463 p.